

С.И.Ермоленко
Екатеринбург

Конструирование ментального пространства как творческая интенция лирического субъекта М.Ю.Лермонтова

Жанровые поиски Лермонтова – лирика, особенно в ранний период творчества, нередко приводили его к тому, что на языке психолингвистики и психосемантики называется конструированием ментального пространства. Это проявляется уже в первых опытах поэта, выполненных в жанре послания, отмеченных печатью элегизации. Элегизация (воздействие элегии на другие лирические жанры) – процесс общий для русской поэзии эпохи романтизма, и ранняя лирика Лермонтова не составляла исключения.

Элегизация обнаруживается прежде всего в выборе поэтом таких лирических ситуаций, которые традиционно всегда были закреплены за элегическим жанром: разлуки («К другу В.Ш.», 1831, «К приятелю», 1830-1831, «К***» – «Не медли в дальней стороне...», 1830-1831, «К*» – «Прости! – мы не встретимся боле...», 1832, «Слова разлуки повторяя», 1832); разочарования («К***» – «Мы снова встретились с тобой...», 1829, «К*» – «Оставь напрасные заботы...», 1832); горестных воспоминаний о прошедшем, в свете которых безрадостным представляется настоящее в бесперспективном будущем («К.....» – «Не привлекай меня красой...», 1829, «К N.N.***» – «Не играй моей тоской...», 1829, «К Дурнову». 1829-1830?, «К*» – «Мой друг, напрасное старанье...», 1832 и др.). Самый распространенный у Лермонтова тип лирической ситуации – непонимание, измена или предательство друга, любимой («К N.N.» – «Ты не хотел! Но скоро волю рока...», 1829, «К другу» – «Взлелеянный на лоне вдохновенья...», 1829, «Н.Ф.И-вой», 1830, «К***» – «Всевышний произнес свой приговор...», 1831, «К Н.И.....», 1831, «К*» – «Я не унижусь пред тобою...», 1832 и др.).

Особенностью перечисленных ситуаций является то, что они неизбежно оставляют человека наедине с самим собой, он должен пережить их в одиночестве. «Двухголосное», ориентированное на диалог послание, как известно, традиционно осваивало совсем иную жизненную сферу – сферу человеческих контактов, общения. Элегизация, следовательно, если не противоречила диалогической природе жанра послания, то уж, во всяком случае, заметно ослабляла ее.

Глубинный смысл преобразования традиционной жанровой формы послания у Лермонтова состоит, однако, не столько в том, что элегическое начало теснит «посланческое», сколько во взаимодействии этих двух начал. Результатом взаимодействия становится возникновение

новой жанровой семантики, которую получает образ миропереживания, в таком виде, как у Лермонтова, не характерный ни для классической элегии, ни для классического послания. Семантические «сдвиги» в образе миропереживания, в свою очередь, ведут к перестройке всей традиционной поэтики, прежде всего – времени и пространства.

Тяготение Лермонтова к ситуациям элегического плана способствовало формированию поэтики времени, не свойственной, если не сказать решительней, чуждой жанру послания. Лирический герой лермонтовских посланий порой переживает приступы острой тоски по прошедшему, испытывает ностальгию по «дням минувшим»:

Для меня бывает время:

Как о прошлом вспомню я,

Сердце (Бог тому судья)

Жмет неведомое бремя!..

(«К N.N.***» – «Не играй моей тоской...», 1829. I, 50)¹.

Прошедшее властно входит в жанровую структуру посланий поэта, едва ли не вытесняя из нее традиционно «посланческое» настоящее, которое для лирического героя порой существует лишь как момент воспоминания, «вызывания» прошлого. Такое отношение к прошедшему совсем не свойственно посланию, которое, по словам В.А.Грехнева, «вообще стремится вычеркнуть прошлое в системе времен», безраздельно закрепляя все ценности бытия за настоящим, «восстанавливая художественный интерес к нему, подрываемый элегией»².

Лермонтовское послание как будто уподобляется элегии в своем «восприятии» времени. Однако так кажется только на первый взгляд. На самом же деле между лермонтовским посланием и канонической элегией есть весьма существенное различие. Из-за остроты переживания прошедшего в посланиях поэта почти отсутствует временная дистанция, обязательная для элегии, позволяющая ей, как писал А.И.Галич, «хотя со слезами еще на глазах, но уже с расцветающей на устах улыбкою воспеть блага, которых лишаемся»³. «Былые или минувшие страдательные состояния души» слишком живы в памяти лирического субъекта лермонтовских посланий. Поэтому он вспоминает о них не иначе, как с прежним волнением и чувством («сердце... жмет неведомое бремя!..»).

В таких ситуациях может возникать незнакомая элегии контаминация времен. Силой чувства и воображения прошлое как бы вызывается

---

¹ Здесь и далее цит. по: Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6т. М.;Л., 1954-1957 (с указанием тома и страницы).

² Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький, 1985. С.49.

³ Галич А. Опыт науки изящного. СПб., 1825. С.177-178.

из небытия, воспринимается лирическим героем как самое что ни на есть настоящее, разворачивающееся перед его мысленным взором, как, например, в уже цитированном стихотворении «К N.N.***»:

*Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!
Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно!.. (I, 50).*

Глаголы настоящего времени («хладею», «горю», «говорю», «внемлю», «гляжу», «ищу») действительно создают иллюзию происходящего «здесь» и «сейчас». Причем лаконизм синтаксических конструкций, частота глаголов (на малом пространстве поэтического текста) вызывают ощущение внутренней напряженности, почти лихорадочности стиха, соответствующего состоянию лирического героя. Так переживается событие именно в момент его совершения.

На самом же деле все происходит в прошлом («Для меня бывает время: / Как о прошлом вспомню я...»). Глагол «*бывает*» свидетельствует о том, что «реконструирование» прошедшего давно стало делом привычным для лирического субъекта. Адресант послания живет только прошедшим, которое для него реальнее настоящего. Переживанию, связанному с былыми «дальними потрясениями» (А.И.Галич), не суждено охладеть, отойти в прошлое, и это навсегда лишает лирического героя покоя и забвения¹.

Особые отношения складываются у лирического субъекта лермонтовских посланий и с будущим. Поэт нередко воспроизводит в своих стихотворениях то, что Д.С.Мережковский называет «вспоминанием будущего»: «Как другие вспоминают прошлое, так он (Лермонтов. – С.Е.) предчувствует или, вернее, тоже *вспоминает будущее* – словно снимает с него покровы, один за другим, – и оно просвечивает сквозь

---

¹ В лирическом герое раннего Лермонтова уже начинают проступать контуры личности с таким психическим складом, которым позднее наделит автор своего Печорина («Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мной: всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки; я глупо создан: ничего не забываю, ничего». VI, 273).

них, как пламя сквозь ткань»¹. К числу таких произведений относятся стихи «провиденциального цикла» («Из Андрея Шенье», 1830-1831, «Настанет день – и миром осужденный», 1831, «К***» – «Когда твой друг с пророческой тоскою...», ?, «Не смейся над моей пророческой тоскою», 1837), «1831-го июня 11 дня», «Сон» (1841), содержащие предвосхищение лирическим героем собственной трагической кончины.

«Письмо» – «Свеча горит! Дрожащею рукою...» (1829) – первое лермонтовское стихотворение, в котором возникает ситуация «воспоминания будущего», и первое из «писем», задуманных поэтом в жанре послания (см. также: «Жалобы турка (Письмо к другу, иностранцу)», 1829, «К...» – «Простите мне, что я решился к вам...», 1830, «Валерик», 1840). В стихотворении «Свеча горит! Дрожащею рукою...» лирический герой – адресант «письма», обращенного к любимой женщине, перед лицом близкой смерти воссоздает в своем воображении сцены «запредельных» встреч с «ней» уже после того, как он, оставив «мир земной», «при песнях погребальных» сойдет в «дом подземный навсегда».

*Настанет ночь; приедешь из собранья
И к ложу тайному приедешь одна;
Посмотришь в зеркало и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственны ланиты,
К груди молодой прильнет безвестный дух,
И над главою мелькнет призрак забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я, из гроба
На мрачное свиданье прилетел...*

.....
.....
*Когда ж в саях, в блистательном катанья
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданья
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный глад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;*

---

¹ Мережковский Д. М.Ю. Лермонтов: Поэт сверхчеловечества // Вопросы литературы. 1989. №10. С.100.

*Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!.. (I, 31-32).*

Мотиву любовного свидания «за гробом», распространенному в русской поэзии, чему немало способствовал Батюшков своими вольными переводами «из Парни» (напр.: «Привидение», 1810, «Мщение», 1815), Лермонтов придает какой-то особенный мрачно-атмостический колорит. Если в батюшковском «Привидении» изяшно-эротические «загробные» фантазии есть не что иное, как продолженное настоящее, перенесение «туда» земного блаженства*, то лирический герой Лермонтова, заканчивая свой земной путь, вступает в иные, драматические отношения не только с настоящим, но также с прошедшим, и главное – будущим. Герой Батюшкова, обращаясь к любимой, успокаивает ее:

*..... из могилы
Если можно воскресать,
Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец, тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени,
То внезапно, то тишком,
С воплем в твой являться дом¹.*

Лермонтовский же «автор» «письма» избирает как раз тот тип «загробного» поведения, от которого отказывается герой «Привидения», считая себя вправе «пугать» возлюбленную, неожиданно являясь ей в виде «безумной тени».

В «Письме» «воспоминание будущего» воплощается в сюжетной ситуации загробного свидания, точнее двух воображаемых свиданий. Первое свидание («Настанет ночь...»): глаголы, относящиеся к героини-

---

* ..... по смерти, невидимкой

Буду вокруг тебя летать;
На груди твоей под дымок
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развеять
Легким уст прикосновеньем,
Как зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз...
(Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С.217)

¹ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С.217

не-адресату «письма» указывают на то, что все изображаемое мыслится как совершающееся в некоем будущем («*придешь*», «*придешь*», «*посмотришь*», «*почувствуешь*», «*не увидишь*», «*пыхнет*», «*прильнет*», «*мелькнет*», «*влетит*»). И вдруг – мгновенное перемещение по оси времен:

..... *это я из гроба*
На мрачное свиданье прилетел...

Воображаемое событие из будущего сразу же переносится в прошедшее. Тем самым замыкается ситуация «запредельной встречи», закрепляется за прошлым, которое можно вспоминать и переживать. Переключение с одной временной координаты на другую, с будущего на прошедшее, связано с лирическим героем – «автором» «письма». Энергией воли и воображения, страстного предсмертного усилия он желаемое превращает как бы в уже свершившееся и переживает это свершившееся как данную реальность.

По такому же принципу строится и сюжетная ситуация второй «встречи» («Когда ж в санях...»). И здесь глаголы будущего времени закреплены за образом героини «Письма», а также за образом потенциального соперника лирического героя – «гусара» («*проедешь*», «*промчится*», «*закипит*», «*вдохнешь*», «*затмится*», «*закрутит*», «*услышишь*», «*увидишь*»). И снова мгновенное переключение из будущего в прошедшее: «То тень моя безумная *предстала*...» Лирический субъект и его возлюбленная оказываются разведенными осью времен: для «нее» – все в будущем («собратья», «блистательные катанья», новая любовь), для него – все в прошлом. Героев стихотворения разлучает настоящее, которое для «автора» «письма» постепенно уходит в небытие, «истекая» по мере того, как жизненные силы покидают его («медленно слабеет жизни дух», «чувствую, что к смерти подступаю»). Для лирического героя в его «предсмертном страданье» настоящего фактически уже нет: он весь в своих думах в том, ином мире, куда его ведут «болезнь и парка». И хотя «письмо» пишется «сейчас» («Свеча *горит!*...»), настоящего словно бы нет и для самого послания, оно будто выпадает из системы его времен. Объектом лирического переживания в «Письме» становится напряженное соотношение будущего с настоящим и прошедшим.

Подобное же напряженное и динамичное временное соотношение устанавливается в послании «К N.N.» («Ты не хотел! Но скоро волю рока...»). В системе времен стихотворения есть прошедшее:

Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы...;
есть будущее:

*Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участие!.. (I, 41).*

Настоящего же в послании как будто нет вообще, хотя лирическое высказывание адресанта развертывается «сейчас», в данный момент. В этом «сейчас» еще возможны оправдания «друга», которые могли бы предотвратить возмездие. Но безапелляционность тона лирического героя, категоричность обвинений, обрушивающихся, подобно точным, хлестким ударам, на «N.N.» («Нет, поздно друг...», «Таких друзей не надо больше мне...»), не оставляют надежды на возможность хотя бы короткой реплики с его стороны, пресекая всякую попытку диалога. Лирический герой не способен «услышать» «голос» адресата. Уверенный в своей правоте, лирический герой целиком поглощен идеей наказания, которое неизбежно должно настичь «друга» за его «хладное» предательство.

*..... но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
.....
.....
.....
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку... (I, 41)*

Думы о «часе» грядущего возмездия так волнуют лирического героя, он так торопит его приход, что спешит «проскочить» через настоящее, чтобы поскорее свершилась «воля рока». Лирический герой настолько зримо представляет себе этот «роковой час», что начинает переживать будущее как уже происшедшее, словно вспоминая его. Интенсивность переживания передана через напряженную книжно-романтическую лексику («воля рока», «в бездну упадешь», «раскаяния нож», «горький упрек», «взор... как меч, как яд опасен», «униженная рука», «удар печальной клеветы»), короткие, словно «рубленные», синтаксические конструкции. И то и другое соответствует мироощущению «лермонтовского человека», не признающего полутонов, не способного к каким бы то ни было компромиссам, сосредоточенного на своем душевном состоянии.

Исключительная внутренняя сосредоточенность позволяет лирическому герою стихотворения, опережая время, «конструировать» будущее как ментальное пространство, «возможный мир» (термин Я.Хин-

тики)¹. Вхождение в «возможный мир» как особое психоэмоциональное состояние субъекта осуществляется через ментальные предикаты, выраженные с помощью специальных лексических средств. А.Вежицкая к числу таких средств относит вводные слова, наречия, союзы (типа «к счастью», «наверное», «только», «уже», «давным-давно», «возможно», «слишком», «все еще»)². В лермонтовском «Письме» ситуация вхождения лирического субъекта в «возможный мир» (порожденное творческим воображением ментальное пространство) обозначается вводным словосочетанием «*быть может*» («Быть может, я, при песнях погребальных, / Сойду в мой дом подземный навсегда!..»). Однако лирический субъект не просто «входит» в созданный им мир, он «внедряется» в него и переживает «происходящее» в нем с такой страстью, с какой обычным человеком не может быть пережито, чего еще не было³.

В этих «вспоминаниях будущего» концентрируется вся сила и мощь духа «лермонтовского человека», его трагический дар провидения. Они своеобразные «энергетические сгустки», бросающие «чудесный и страшный отблеск» на всю лирику поэта: «так иногда последний луч заката из-под нависших туч освещает вдруг небо и землю неестественным заревом»⁴.

Будущее «провиденциальных» стихотворений Лермонтова – совсем не то будущее, которое если и допускает традиционное послание, то не иначе как в виде «продолжения драгоценного «сегодня» (В.А.Грехнев)⁵. У Лермонтова будущее – именно будущее, которое впереди. Но в то же время оно словно уже было когда-то, в какой-то «прошлой вечности» (Д.С.Мережковский). «Припомнить» «прошлое будущее» может личность, лишь находясь в состоянии экстатического напряжения, при полном погружении в глубины собственного «Я».

---

¹ «Возможные миры» - «состояния сознания субъекта, ориентированного на воспоминание или на представление будущего, погруженного в творческую фантазию или подверженного сомнениям» (Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997. С.24).

² См.: Вежицкая А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика. М., 1983; Вежицкая А. Язык, Культура, Познание. М., 1996.

³ Аналогичный характер переживания будущего свойствен и некоторым другим ранним посланиям Лермонтова (напр.: «Когда к тебе молвы рассказ», 1830; «К***» – «Не ты, но судьба виновата была...», 1830-1831; «К***» – «Не медли в дальней стороне...», 1830-1831).

⁴ Мережковский Д. М.Ю. Лермонтов: Поэт сверхчеловечества. С.101

⁵ См., напр.: «Элизий» (1810) Батюшкова, «К Пушкину» (1815), «Мое завещание друзьям» (1815), «Кривцову» (1817) Пушкина, «К Лилете» (1814) Дельвига и др.

Только тогда ее внутренний взор проникает сквозь завесу времени. «Провиденциальное» будущее становится для лермонтовского лирического героя временем Вечности, с высоты которой он оценивает свое прошлое и настоящее.

Лирическому субъекту лермонтовских посланий, благодаря его творческой способности конструировать ментальные пространства, представляется уникальная возможность проживать сразу в трех временных измерениях, ощущать «давление» потока времени. Традиционное послание, живя настоящим, предпочитало не замечать течения времени. Разумеется, послание знало, что за его пределами действуют законы всеразрушающего времени. Так, например, сетования «на скоротечность счастливой молодости» были общим местом еще в сентименталистском дружеском послании («С нами то же, что со цветом: / Был – и нет его чрез день» – И.И.Дмитриев «Стансы к Н.М.Карамзину», 1793; «Конечно так, – ты прав, мой друг! / Цвет счастья скоро увядает...» – Н.М.Карамзин «Послание к Дмитриеву», 1794; «Ныне мне весна не в радость: / Улетели счастье, младость, / Улетела и любовь! / Молодым не будешь вновь» – В.Л.Пушкин «Ответ именинника на поздравление друзей» 1816 и др.) Но послание все же верило в то, что можно остановить бег времени и удержать настоящее («Часы крылаты! Не летите, / И счастье мигом хоть продлите!» – Батюшков «Веселый час», между 1806 и 1810), либо демонстрировало свое пренебрежение к неумолимому ходу времени («Нам жизни дни златые / Не страшно расточать...» – А.С.Пушкин «Послание к Галичу», 1815; «И мы, под защитой богов, потопим в веселии время» – Дельвиг «К Лилете», 1814).

Может быть, острее других ощущает движение времени в своих посланиях 20-х годов Е.А.Баратынский («Часы летят! ... Летящий миг лови украдкой...» – «К-ву», 1820; «Познай же цену срочных дней, / Лови пролетное мгновенье!» – «Добрый совет (К-ну)», 1821). Однако и у Баратынского «летающий миг», вбирая в себя все, с чем ассоциировалась для дружеского послания полнота бытия («Люби, мечтай, пируй и пой...»), оказывался равноценным самой жизни. Вследствие этого драматизм переживания быстротечности времени в посланиях поэта несколько смягчался.

Словом, послание 1810-1820-х годов готово было «допустить, что тень от крыльев времени падает где-то рядом, но во всяком случае в стороне от его незабываемых твердынь дружества и пиров, поэзии и любви»¹. Послание верило, что над его поэтическим миром законы

---

¹ Грехнев В.А. Лирика Пушкина... С.49.

времени не властны. Поэтому когда Батюшков периода углубляющегося духовного кризиса вопрошал:

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?

Где постоянно жизни счастье?

.....

.....

Но где минутный шум веселья и пиров,

В вине потопленные чаши?

Где мудрость светская сияющих умов?

Где твой Фалерн и розы наши?

(«К другу». 1815)¹, –

то его смятение воспринималось как свидетельство крушения всей жизнеутверждающей философии послания. Это означало, что время, «сей старец, смертных злое бремя» (Батюшков «Н.И. Гнедичу», 1811), коснулось все же своим седым крылом поэтического мира послания. И от его легкого прикосновения мир, казавшийся таким устойчивым и прочным, вздрогнул и пошатнулся.

Так все здесь суетно в обители сует!

Воздействие всепроникающего элегического мышления обнаруживается в батюшковском послании «К другу» не только в доминирующем чувстве горестной печали по дорогим сердцу утратам, но прежде всего в самом ощущении быстротечности и необратимости времени:

Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез.

И место поросло крапивой...

И хотя современное Батюшкову послание еще продолжало радоваться жизни и воспевать непреходящие, с его точки зрения, ценности, тем не менее элегизация постепенно начинает перестраивать структуру жанра, его поэтику. В своем отношении к времени послание все более становится похожим на элегию, «чувствительную» к его полету.

В основе лермонтовской концепции времени лежит идея неостановимости его движения, невозможности вычленения из него какого-либо отрезка (будь то прошлое или настоящее) без того, чтобы не распалась связь времен. Традиционные элегия и послание как раз именно выделяли определенный временной отрезок, абсолютизируя его: элегия облюбовала прошедшее, послание отвоевало у нее настоящее. И тот и другой жанр мало интересовало будущее. От него веяло холодом Вечности, с которой классические элегия и послание предпочитали не иметь дела.

---

¹ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. С.250.

Время же лермонтовских посланий – нерасчлененное время, взятое в его движении от прошлого – через настоящее – к будущему, уходящему в бесконечность. Время у поэта, с одной стороны, драматически спрессовано, сжато в пружине мгновения, а с другой – разомкнуто в контекст Вечности. Это философское, субстанциональное время Бытия (в отличие от камерного времени воспоминаний элегии и «сегодня» традиционного послания).

Вместе с тем время в посланиях Лермонтова психологически насыщено. Это время, *переживаемое личностью*, порой драматически ощущающей его «унылую череду» как «тяготенья» жизни, но подчас и преодолевающей сковывающую силу «тяготенья» в стремительном порыве к «возможным мирам», к будущему, за которым притаилась Вечность.

© Ермоленко С.И.